

СЛЮСАРЕВА Н. А.

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ОСНОВА ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ-ПРЕДЛОЖЕНИЯ *

Тема-рематическая организация, или коммуникативная основа предложения, стала достаточно общим местом современной синтаксической теории. Однако разные подходы к этому феномену создают впечатление гетерогенности объекта теории, в пределах которой проводится разграничение актуального членения предложения, функциональной перспективы предложения, его информативной структуры и т. п. Остается недостаточно ясным соотношение тема-рематической структуры с субъектно-предикатной логической организацией мысли, с подлежащно-сказуемым строем предложения, а также с прочими объектами семантического синтаксиса — глубинными падежами (ролями, по Филлмору), валентными свойствами конституирующих предложение единиц (актантами и сир-константами) и т. п.

В данной статье мы коснемся лишь некоторых из указанных вопросов, сосредоточив внимание на том, что тема-рематическая структурация основывается на противопоставлении фундаментальных диалектических категорий — тождества и различия. Эти всеобщие категории материалистической диалектики широко применяются при исследовании ряда проблем математики, логики, кибернетики, физики, биологии, социологии и др. Мы делаем попытку привлечь теорию тождества и различия к явлениям языка ¹.

В последние годы синтаксис предложения стал рассматриваться как составная часть синтаксиса текста. Это обстоятельство в новом свете представило решение ряда грамматических проблем. Дело в том, что такие функционально-семантические категории, как тема и рема, более, чем другие единицы синтаксиса, связаны с построением текста, с проекцией глобального смысла на линию звучащей или письменной речи. Взаимодействие тематических и рематических отношений служит одной цели — развертыванию сообщения (предложения, высказывания любого типа) в определенный текст.

Тема-рематические отношения трактуются неоднозначно, но при всех различиях, которые можно усмотреть в концепциях отдельных авторов, общим является то, что группа «тема — рема» рассматривается как с л о в о е ч л е н е н и е предложения (высказывания), не жестко связанное с грамматическим выделением подлежащего и сказуемого. Однако категориальный статус темы и ремы и характеризующие их признаки еще не выявлены полностью и дают повод для размышлений.

При исследовании указанных выше вопросов мы будем исходить из функциональной точки зрения: языковые факты рассматриваются как воплощение основных (базовых) функций языка — коммуникативной, когнитивной, эмотивной и метаязыковой ². Интересующие нас проблемы соотносятся прежде всего с коммуникативной функцией, поскольку вся

* В основу настоящей статьи положен доклад, прочитанный в ноябре 1984 г. на III Всесоюзной конференции по теоретическим проблемам языкознания в Москве [1, с. 130 и сл.].

¹ Говоря о категориях тождества и различия и явлениях языка, мы не затрагиваем проблемы синонимии слов и выражений, предложений тождества (см. [2, 3]) и прочих языковых фактов, где эти категории лежат, так сказать, на поверхности.

² Данная точка зрения высказывалась нами неоднократно [4—7]. Метаязыковая функция, т. е. уникальная способность языка быть средством анализа самого себя, здесь не затрагивается.

смысловая палитра речевого акта отражает коммуникативное намерение говорящего сообщить о том, что содержится в его сознании, в мысли, и о чем должен быть информирован слушающий (реципиент), воспринимающий текст.

Интерес к категориальному статусу актуального членения побудил В. З. Панфилова предложить двухуровневую модель, в которой «актуальное членение предложения отражает субъектно-предикатную структуру выражаемой мысли» [8, с. 37]. Оно имеет место на более высоком уровне предложения, чем синтаксический, — на логико-грамматическом. Эта теория нашла многих последователей, т. к. в простой форме давала ключ к сути соотношения языка и мышления. Однако в настоящее время ее нельзя признать полностью удовлетворяющей. Дело в том, что логика за последние десятилетия изменила свой облик, поскольку в круг ее интересов вошли проблемы речевых актов, анализа обыденного языка, теория нечетких (лингвистических) множеств и мн. др. [9, с. 77]. Да и теория актуального членения предложения также видоизменилась. Материал простого предложения оказался недостаточным для развития этой теории, в которую были включены проблемы членения сложного предложения, иерархии членения, порядка слов и просодических характеристик, связи с развертыванием целого текста.

Исследования актуального членения синтаксических структур выделились в особую область, нередко именуемую к о м м у н и к а т и в н ы м с и н т а к с и с о м, поскольку ее предметом явилась организация высказывания говорящим в соответствии с его коммуникативным намерением. Однако нам не представляется удачным такое наименование, т. к. весь синтаксис, во всех своих аспектах служит коммуникативной функции языка. Более целесообразно, вслед за И. Ф. Вардулем [10, с. 115], закрепить за обсуждаемой областью наименование «актуальный синтаксис», продолжив пражскую традицию изучения синтаксического строя языка.

В науке развитие теории неотделимо от выработки методов анализа. В философских трудах это неоднократно отмечалось. Например, М. С. Козлова пишет: «Метод и теория неразрывно диалектически связаны друг с другом. Без теоретического обоснования метод анализа теряет свою четкую опору, ему невозможно следовать как некоей четкой процедуре, он скорее превращается в искусство» [11, с. 222]. В лингвистике определенная мера произвольности была характерна в свое время для способов выделения темы и ремы. Развитие теории актуального синтаксиса, однако, дает основания говорить о тема-рематическом анализе высказывания как о методически достаточно четкой процедуре членения предложения на тему и рему. Решение этого вопроса опирается не столько на определение соответствий темы и ремы логическим субъекту и предикату, сколько на признание содержательного фона намерений говорящего, который устанавливается на основе текстового анализа.

Мы придерживаемся многоаспектной модели синтаксических структур, поскольку они предстают перед нами в единстве своего многообразия, суть которого не сразу была осознана в лингвистике и в смежных с нею науках, для которых язык также выступает в качестве объекта анализа. В предложении-высказывании выделяются четыре аспекта: логико-ориентированный, структурный, актуальный и аналоговый.

О становлении логического синтаксиса написано много. Мы лишь отметим, что параллельно формировалась грамматика с ориентацией на структурный аспект синтаксиса, что выразилось в преимущественном внимании к морфологической специфике частей речи, а в недалеком прошлом — к трансформационным деревьям.

Обращение к семантике синтаксиса открыло новые перспективы, среди которых следует назвать актантные, падежные и ролевые грамматики разных ракурсов и калибров (Л. Теньера, Ч. Филлмора и др. [12, 13]). Эти исследования позволили обнаружить еще один аспект синтаксиса, через который получает выражение или, точнее, отражение как ситуация, описываемая в предложении, так и ситуация непосредственного общения. При этом ситуация выявилась не только в ее номинативной фор-

мо — в виде единиц и моделей, из которых конструируется высказывание, но и отразилась в специфичном для данного языка указании на роли, связи и отношения участников ситуации. Поскольку синтаксическая конструкция выступает в виде аналога ситуации, мы именуем данный аспект синтаксиса а н а л о г о в ы м.

Психологический синтаксис конца XIX в. явился прообразом а к т у а л ь н о г о с и н т а к с и с а, в котором находит свое выражение коммуникативное намерение говорящего, т. е. это — синтаксис самовыражения, нацеленный на восприятие слушающим не только логического развертывания мысли, но и отношения говорящего к сообщаемому. Совершенно права Е. А. Реферовская, которая, говоря о роли порядка слов во французском языке в повествовательном тексте, подчеркивает, что «... как только на сцене появляется субъект речи с его отношением к содержанию сообщаемого, как только речь оказывается адресованной слушателю, на которого она должна произвести определенное впечатление, может быть, убедить его в чем-нибудь, вступает в силу коммуникативное членение, разделяющее все сообщение на тему и рему с зависящими от них членами высказывания» [14, с. 187]. В этом случае, как отмечает Е. А. Реферовская, нарушается нормативный порядок слов. Подчеркнем, что актуальный синтаксис в известной мере модален, т. к. выражает отношение говорящего к сообщаемому, но эта модальность особого рода, поскольку она выявляет личностную окраску информации.

Изучение того, как распределяются в высказываниях (и шире — в тексте) зоны темы и ремы, представляет особую область лингвистического исследования — тема-рематический анализ.

При сопоставлении четырех аспектов синтаксиса выясняется еще и то, что два из них — аналоговый и логико-ориентированный — служат для реализации соотношения языковой реальности как с миром действительности (ситуации с ее компонентами факта или события), так и с логикой развертывания мысли (т. е. осознания действительности). Два другие аспекта противопоставляются им по иным основаниям, а именно: по жесткой связи со структурой языка — у структурного аспекта, и по связи с коммуникативным намерением говорящего — у актуального аспекта, связь которого с грамматическими характеристиками языка является достаточно свободной. Иными словами, структурный и актуальный аспекты предстают как два принципа организации синтаксических конструкций — подлежаще-но-сказуемый и тема-рематический. С помощью этих принципов могут различаться языки разной типологии, хотя те же принципы могут выступать и в пределах одного языка — либо в конструкциях разного рода, либо совмещенными в членах одной конструкции [5].

Следует отметить еще один важный момент. Поскольку синтаксис является главной опорой коммуникативной функции языка и именно в нем сущностные характеристики языка проявляются как функциональные прежде всего³, каждый из аспектов синтаксиса может и должен определяться в свете функционального подхода. Иными словами, единицы этих аспектов квалифицируются как синтаксические функции, однако — функции разного рода: с т р у к т у р н ы м и функциями являются подлежащее, сказуемое и прочие члены предложения, л о г и ч е с к и м и функциями — субъект и предикат суждения, выраженные в предложении. Единицы аналогового синтаксиса в большом количестве работ именуются семантическими, однако последний термин применяется к разным сторонам содержательной сферы — в известной мере выделение логических функций только связано с семантикой. Вследствие этого единицы аналогового синтаксиса — агенс (агент), пациенс, бенефициант и т. п. — целесообразно именовать с и т у а т и в н о - с е м а н т и ч е с к и м и, или а н а л о г о в ы м и, функциями. Наконец, функции актуального синтаксиса — тему и рему — можно, вслед за некоторыми учеными [15], именовать

³ Подробная аргументация излагалась нами в предыдущих работах, однако в данной статье общий подход несколько расширен. Напомним, что синтаксическая функция рассматривается как цель, назначение языковой единицы и в то же время как зависимость от прочих единиц данной системы.

прагматическими⁴ (хотя и этот термин расширил свое содержание за последние годы) или дектическими (по Ю. С. Степанову [16, с. 220]).

Именно актуальный аспект синтаксиса и выделяемые с этих позиций единицы в наибольшей степени представляют функционирование языка как идущее от говорящего в связи с его намерением информировать, сообщить, обратить внимание на некие факты и события или выяснить что-либо. В исследованиях функционального направления ставятся задачи изучения и раскрытия специфических особенностей коммуникативных языковых выражений (от реплик диалога [17] до анализа больших единиц текста [14]). Проблемы категориальной определенности единиц актуального членения — темы и ремы — мы принимаем, исходя из двухчленной модели этой структуры.

Тема-рематическому анализу придается особая значимость в сопоставительных работах, т. к. он позволяет сравнивать структуры разных языков, сходные по содержанию и информативной нагрузке [10, 18—21]. Трудности возникают при попытках отграничения темы и ремы в конкретных языках и установления способов, маркирующих эти единицы.

При определении функций прочих аспектов синтаксиса опираются либо на форму — для структурного синтаксиса, либо на достаточно четкую семантику — для логико-ориентированного и аналогового аспектов. Такой анализ возможен на материале отдельно взятого предложения даже без привлечения просодических характеристик и, в известной мере, порядка слов. Актуальный аспект синтаксиса менее доступен объективному анализу, поскольку он служит для выражения намерений говорящего. Разумеется, коммуникативный акт двусторонен, но в нем главенствующая роль приходится на долю говорящего, слушающий же должен интерпретировать, или, попросту, понимать сказанное адекватно намерению говорящего.

Иногда раздаются голоса в пользу того, что актуальный синтаксис входит скорее в грамматику слушающего (воспринимающего), чем в грамматику говорящего. Такое представление отчасти подсказывается терминами, объясняющими суть темы и ремы, например, «данное» и «новое» определяются с позиций именно слушающего, а «исходное» и «сообщаемое» или «информативное более и менее важное» — с позиций говорящего⁵. Дополнительные осложнения возникают в связи с тем, что при лингвистическом анализе исследователь поневоле оказывается в роли слушающего, точнее — интерпретирующего и, следовательно, противостоящего тому, кто говорит (сказал, написал). При изучении звучащей речи с ее просодическими характеристиками членение на тему и рему фактически сомнений не вызывает, поскольку намерение говорящего маркировано весьма четко. Кроме того, сообщение нередко дополняется жестами, мимикой и т. п. как уточнителями этой маркировки. Но при анализе письменных произведений, допускающих множественную интерпретацию изолированных предложений, дело обстоит гораздо сложнее и лишь опора на текст (контекст) позволяет достаточно непротиворечиво выявить намерение автора («говорящего» с читателем). Например, в отрывке: *Зверек на опушке в спячку залег, выходит, чувствует зиму, не то забрался бы в глубь леса* лишь вторая часть высказывания позволяет определить на *опушке* как информативный центр первой части.

Трудности выделения темы и ремы не следует преувеличивать и потому, что они разделяют судьбу ряда базовых единиц лингвистического анализа, также не имеющих четких параметров выделения. Казалось бы, при отсутствии единых дефиниций невозможно определить такие фундаментальные единицы, как слово и предложение, но языковеды (как, впрочем, и

⁴ Было бы целесообразно выдержать единство терминологии и именовать тему и рему «актуальными функциями», но этому препятствует нетерминологичность данного сочетания или, точнее, — его «сверхтерминологичность», поскольку оно может, кроме обыденного языка, использоваться в разных термносистемах.

⁵ Различное понимание у говорящего и слушающего неоднократно отмечалось психологами и психолингвистами (см., например [22, с. 39]).

носители языка на что обратил внимание еще Э. Сепир) оперируют этими единицами достаточно свободно. Не случайно, что и к тема-рематическому анализу обращаются сейчас как в теоретических трудах (см., например, из последних работ [9, 23, 24 и др.]), так и в учебных пособиях (например [25, 26]).

Если определение темы и ремы, при условии однозначного их толкования, в большинстве случаев не вызывает больших сомнений, то нередко приводит в тупик разноречивая терминология, возникший отчасти в англоязычных трудах из-за наличия слова *топик* (*topic*) в английском языке, где оно широко используется со значением, равным нетерминологическому использованию слова *тема* в русском языке («тема разговора, доклада, произведения и т. п.»⁶).

Нечеткость терминологии создает трудности для исследователей, поэтому мы предпочитаем применять два термина — «тема» и «рема» — и при членении предложения говорить об этих двух сферах. Подчеркнем, что применение термина «тема» имеет то преимущество, что он несет в себе как бы смысловой заряд, обозначая как смысловой центр целого текста, так и выделяя опорный пункт предложения-высказывания⁷. Сужение объектов, именуемых темой, определяется предметизацией окружающего мира и его отражением в сознании человека через категории предмета и признака (см. [32]), выражаемые в теме и реме.

Тема-рематический анализ позволяет моделировать особые смысловые отношения, определяемые коммуникативным намерением говорящего и четко выступающие в синтаксических конструкциях, не обремененных морфологическими показателями. В науке главнейшие из этих семантических отношений описаны как «данное» и «новое», «известное» и «неизвестное», «исходное» и «последующее», «менее и более важное», «менее и более информативное», «определенное» и «неопределенное» и т. п. Говорящий, строя свое высказывание, соотносясь с законами данного языка, сам определяет фокус контраста в этих парах и распределяет языковой материал с ориентацией на такую осведомленность слушающего (воспринимающего), какую он, говорящий, представляет сам себе. В presupпозиции говорящего входит и его представление о знаниях слушающего, хотя оно может быть не только не полным, но и неверным (примеры этого типа даны в [22]).

Естественно поставить вопрос: не стоят ли за этими своеобразными отношениями некоторые более глубокие, объединяющие их категориальные характеристики? В последнее время многие языковые феномены стали рассматриваться с позиций теории информации и при этом неоднократно отмечалось, что тема-рематические отношения связаны с процессом передачи информации. Напомним, что почти двадцать лет тому назад И. Ф. Вардуль поставил вопрос: «В чем же смысл актуального членения?» и дал ответ, что его смысл «состоит в языковом ограничении количества передаваемой информации» [10, с. 124]. Позже к понятиям информации обратились многие специалисты [18, 33, 22].

Толкуя тема-рематические связи, приходится опираться на определение информации как знаний, сведений, наличествующих у индивида как члена определенной социальной категории. Советский философ А. Д. Урсун пишет: «Информация, извлекаемая человеком из окружающей природной и социальной среды, отображаемая его сознанием, превращается

⁶ В широком значении слово *топик* используется философами, например, П. Стро-сопом [27]. В лингвистике оно начало применяться в 70-е годы после того, как в докладе Ф. Данеша термины *тема* (*theme*) и *рема* (*rheme*) были объяснены через их синонимы — *топик* (*topic*) и *комментарий* (*comment*) [28]. Позже эти синонимические пары в смысловом отношении разошлись вплоть до использования в противоположных значениях (см. [29—31]), а М. Хэллидей пользуется даже термином «топиковая тема» [31]. В концепции же С. Дика использованы две пары терминов: «топик» и «фокус» — для основной предикации в предложении и «тема» и «хвост» (*tail*) — для дополняющих его конструкций, а все вместе они именуются «прагматическими функциями» [15].

⁷ Не случайно Ф. Данеш называет принцип актуального членения «тематической структурой», или «организацией высказывания (текста)» [28, с. 135—136].

в идеальную социальную информацию. Принимая предметную форму знаков, эта информация может передаваться людьми друг другу и порожденной ими кибернетической технике, оставаясь идеальной по содержанию и материальной по форме» [34, с. 198]. В более ранней работе А. Д. Урсул показал, что содержательная сторона информации непосредственно связана с процессом отражения: «Информация с позиций теории отражения может быть представлена как отраженное разнообразие, а именно разнообразие, которое один объект содержит о другом объекте» [35, с. 217]. Таким образом, философское определение информации с позиций диалектического материализма позволяет истолковать это понятие на основе фундаментальных категорий отражения, т. е. категорий тождества и различия.

В трудах по теории информации неоднократно подчеркивалось, что человек, принимая и перерабатывая информацию в своем сознании, испытывает влияние социального и личностного опыта, отложившегося в семантических категориях, которыми он оперирует. Одновременно осуществляется ценностная ориентация воспринимаемого сознанием. Кроме того, получение информации субъектом обуславливается свойствами объекта, поскольку человек соотносит познаваемое с наличным в его сознании, т. е. устоявшимся или устойчивым знанием об устойчивых свойствах объекта. Вместе с этим каждый объект рассматривается как единство устойчивого и изменяющегося. Именно последнее, выступая на фоне устойчивого, оказывается носителем новой информации. Устойчивость связана, таким образом, с категорией тождества, а изменчивость — с категорией различия. Иными словами, в объекте можно выделить первичную структуру как носителя потенциальной, так сказать, латентной информации, и вторичную структуру, изменившую ряд параметров, как носителя актуальной информации. Получение информации человеком обуславливается не только воспринимаемыми свойствами объекта, но и опытом и знаниями субъекта, в сознании которого осуществляется определение этих свойств в параметрах категорий тождества и различия, устойчивого и изменяющегося.

Если с этих позиций подойти к передаче информации в коммуникативных синтаксических конструкциях⁸, то можно дать определение темы и ремы на основе фундаментального противопоставления тождества и различия: тема является носителем тождественного, реализуемого через известное, достоверное, определенное, данное, исходное, т. е. через «старую» информацию, а рема — носителем различного, реализуемого через неизвестное, недостоверное, неопределенное, т. е. через «новую» информацию. Вследствие того, что тема является носителем тождественного, она не может не нести информации, однако передаваемая ремой информация оказывается более существенной, более важной, и поэтому рема выступает в виде информативного центра высказывания⁹.

Поскольку тождество опирается на наличие постоянного и статичного, тема выступает прежде всего в виде имен (или их эквивалентов) и именных конструкций, а различие, связанное с изменяющимся и динамичным, находит опору в реме, т. е. прежде всего в предикате и предикатных конструкциях. Это свойство тема-рематических единств породило впечатление, что тема и рема совпадают с выделенными в логике субъектом и предикатом. Такое неполное впечатление основывалось на анализе простых предложений, рассмотренных, как правило, вне текстовых связей. Однако обращение к коммуникативному намерению говорящего и применение тема-рематического анализа к другим языковым явлениям, т. е. к синтаксическим структурам более сложного или более простого состава,

⁸ Некоторые идеи данного фрагмента статьи высказывались нами в специально посвященной этой теме главе книги «Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка» [5, гл. IV].

⁹ Есть основания говорить о том, что данное фундаментальное противопоставление обеспечивает эквивалентность выражений естественного и информационно-поисковых языков (см., например, сообщения В. В. Богданова и Р. Г. Котова на конференции «Типы языковых общностей и методы их изучения» — [1]).

показало несовпадение единиц логико-ориентированного и актуального аспектов синтаксиса (при отдельных случаях их наложения друг на друга).

Определение тема-рематической организации в качестве средства, выявляющего коммуникативное намерение говорящего, позволяет говорить о двухчастном составе высказывания, поскольку оно как бы заключает в себе «игру» тождеств и различий. Фундаментальное категориальное противопоставление «тождество — различие» обуславливает двухчастность любого высказывания, включая междометный возглас, для которого в виде темы выступает некое событие (ситуация).

Для принципиального обоснования наших положений можно привлечь одно из наблюдений В. И. Ленина, который, критикуя некоторые положения «Науки логики» Гегеля, записал: «Бывают в природе и жизни движения „к ничему“. Только „от ничего“, пожалуй, не бывает. От чего-нибудь всегда» [36]. Эти слова позволяют сделать вывод, что и движение речи идет от некоторого отправного пункта — от намерения говорящего выделить предмет сообщения в определенной ситуации. Затем это движение продолжается от тех элементов речевой организации, которые представляют собой выражение сущности, или предмета в широком смысле этого слова, т. е. от темы. Тема обеспечивает представление тождественного — отправного к реме — информативно различному и, следовательно, несущему представление изменяющегося и индивидуализирующегося.

Определив тему как выразителя тождественного, мы имеем в виду философское положение о том, что «...тождество вещи с самой собою является всегда тождеством только в определенном отношении» [37, с. 5]. Можно сказать, что в тексте тема тождественна самой себе по отношению к референту, но может быть выражена разными языковыми средствами, составляющими тематическую прогрессию (например, у К. Гольдони «Хозяйка гостиницы, Мирандолина, она» и т. п.). Эти средства вводят отношения тождества иного типа — грамматические (в приведенном примере — женский род), лексические (использование синонимов и т. п.) и стилистические и т. п. Рема служит выражению признаковой сферы в широком смысле, т. е. раскрытию особых, изменяющихся в данном сообщении признаков предмета.

Отчленение признака и предмета связано с образованием в мышлении человека структуры суждения. Еще в 1955 г. П. В. Таванец, определив суждение как «мысль, в которой утверждается или отрицается что-либо с чем-либо», добавил к этому весьма важные замечания: *«По своему формальному содержанию всякое суждение отображает: 1) принадлежность или непринадлежность признака предмету и 2) тождество и различие предметов»* [38, с. 23]. На последний момент следует обратить особое внимание, т. к. именно эти категории реального мира, отображенные в сознании, проектируются и на языковые конструкции, обретая плоть в дальнейшем развертывании текста сообщения, в мене его тематических и рематических сфер. Тождество и различие предметов, отображенное сознанием, становится исходным для тождества и различия как основы построения предикативных конструкций, точнее построений синтаксических, не отягощенных формальными показателями, т. е. темы и ремы.

Не вызывает сомнения, что двухчастность логического суждения также базируется на фундаментальном противопоставлении «тождество — различие», как, впрочем, и результирующая языковая структура «подлежащее — сказуемое». Однако последняя связана морфологическими показателями в отличие от структуры «тема — рема». Подчеркнем, что тождество и различие как основа тема-рематических отношений относится к плану языка и может не совпадать с тождеством и различием как основой суждения. П. Я. Таванец особо оговаривает, что «если мысль не является отображением: 1) принадлежности или непринадлежности признака предмету и 2) тождества и различия предметов, то такая мысль не суждение» [38, с. 191]. Для выявления единиц актуального синтаксиса важно не их соответствие субъекту и предикату суждения или подлежащему и сказуемому, а своеобразное распределение языковых элементов тема-рематического отношения, подчиненное их информативной значимости.

В философских трудах указывается также, что «объективным основанием понятий тождества и различия являются... структурно-функциональные отношения повторяемости и неповторяемости, характеризующие соотношения различных вещей» [37, с. 5]. Не приходится говорить, в какой мере это положение подтверждается языковым материалом, поскольку к параметрам темы относится и повторяемость, обеспечивающая единство смысловых блоков текста.

Безусловно, в целом ряде конструкций, особенно в простых нераспростращенных предложениях, происходит наложение друг на друга всех синтаксических функций. Среди них тема и рема определяются тождественным и различным как параметрами коммуникативного намерения говорящего (пишущего), и их чередование в тексте создает смысловую и стилистическую неповторимость языкового выражения от реплики диалога до литературного произведения.

Диалектика взаимосвязи и взаимных переходов тождества и различия обуславливает наличие тематической прогрессии (по Ф. Дапешу) и особой роли рематической доминанты (по Г. А. Золотовой) в пределах текста, линейное развертывание которого подчиняет себе глобальность смысла сообщаемого.

Если подойти к рассматриваемой проблеме с типологической и диахронической точек зрения, то становится ясным, что изначально в языке имела место тема-рематическая структура, которая, возможно, была достаточно жестко связана с логико-предикатной структурой суждения, передаваемого прочим членам коллектива. Развитие социальных и экономических отношений, а также углубляющееся познание окружающего мира создавали предпосылки усложнения коммуникативных структур. Для ряда языков такое усложнение обростало морфологическими показателями, в результате чего обособлялась подлежащно-сказуемостная структура, как бы заслонившая тема-рематические отношения. Ч. Ли и С. Томпсон правы, отметив, что «подлежащие — это грамматикализованные топики (т. е. темы, в нашей терминологии. — С. Н.)» [29, с. 228]¹⁰. Более архаический тип, т. е. тема-рематическая конструкция, сохранился в разговорной речи, однако внимание ученых к нему было привлечено лишь в XX в. Г. А. Золотова приводит интересный пример из стихотворения Б. Ахмадуллиной: «Весь сад в дожде! Весь дождь в саду!» и подчеркивает, что возможности актуального членения этих структур различны [40, с. 292]. Действительно, в них выявляется интенция автора показать разные стороны данного события и его восприятия. В разговорной речи подобные конструкции без глагольного сказуемого встречаются повсеместно: *нос в веснушках; руки в царапинах* (примеры взяты также из [40]).

В последние годы в связи с исследованиями в области семантического синтаксиса была выдвинута проблема первичности или вторичности актуального членения по отношению к семантической структуре предложения, т. е. ставится вопрос о том, входит ли актуальное членение в глубинную структуру или относится к поверхностной структуре. Использование терминов «глубинная/поверхностная структура» является данью моде. Безусловно, однако, что актуальный аспект синтаксиса в большей мере семантичен, чем структурный. Поэтому мы определяем тему и рему как функционально-семантические категории, роль которых в составе предложения устанавливается говорящим. Однако при этом учитываются лексические и грамматические факторы, действующие в данном языке, а также (пожалуй, в первую очередь) контекст и ситуационный фон, обеспечивающие информативность сообщения.

Признание категорий тождества и различия как основы тема-рематического членения говорит в пользу теории принципиально двухчастной структуры высказываний-предложений. Этот принцип может быть продемонстрирован на синтаксических конструкциях разных рангов. В частности, в пределах диалога выделяются тематически связанные блоки реп-

¹⁰ В. Леман [39] показывает, что индоевропейские языки прошли путь развития от преобладания конструкций, ориентированных на тему, к конструкциям с наличием подлежащего в именительном падеже.

лик-высказываний, внутри которых обнаруживаются своеобразные отношения в чередовании тематических и рематических частей [17].

Организация сложного предложения также дает возможность выявления тема-рематических отношений. При сочинении предложений они наличествуют в каждой из составляющих эти конструкции фраз. Подчинение предложений допускает двоякий анализ: «изнутри» и «извне». Подход «изнутри» позволяет обнаружить иерархию тема-рематических связей, т. е. на первом этапе определить тему и рему всего предложения в качестве «макроструктуры», а на втором этапе выделять «микроструктуры» с соответствующими темами и ремами [41, 42]. Иными словами, подход «изнутри» позволяет анализировать изолированные предложения подобно простому предложению. Подход же «извне» требует обращения к контексту, учета тематической прогрессии, анафорических и катафорических связей, порядка расположения составляющих частей и т. п. [43]. Подчеркнем, что изначальная двучленность тема-рематических отношений легко обнаруживается и в таких сложных конструкциях.

Даже в конструкциях особого типа, как, например, включенных (вставных и вводных) предложениях, также проявляются тема-рематические связи с компонентами включающего предложения, причем обязательным и в этом случае является обращение к контексту [44]. Включенные предложения служат средством градации информативности темы и ремы включающего предложения как базовых опорных пунктов развертывания сообщения.

Отстаивая двучленность тема-рематической конструкции как средства коммуникативной организации предложения, нельзя не возразить сторонникам нечленности некоторых типов высказываний. Членимость ситуации, описываемой неким предложением, не тождественна членности синтаксической структуры, с одной стороны, а, с другой стороны, эта последняя допускает разные подходы к членению: в аспекте структурного синтаксиса — на подлежащее и сказуемое, в аспекте актуального синтаксиса — на тему и рему.

Об одночленности предложений: «Пожар!; Это безобразие!; Он пошел в театр; Когда Вы будете дома?» и даже: «Вчера вечером, после долгого утомительного путешествия, я приехал, наконец, в город, в котором протекали счастливые годы моего детства» — писал Л. В. Щерба и противопоставлял их двучленным фразам: «Ленинград — большой город; Множество врачей, занятых в лучших столичных больницах, — выехали на борьбу с эпидемией» и т. п. [45, с. 123]. Однако это противопоставление Л. В. Щерба объяснил, исходя из мелодической характеристики этих конструкций, которая во втором типе позволяет обнаружить связь логического субъекта и предиката, тогда как «в первом... ряде фраз такого противопоставления нигде нет: все они представляют собой просто некоторое констатирование действительности, иногда, может быть, и очень сложной» [45, с. 123—124; § 189]. Как мы видим, в этих примерах и рассуждениях Л. В. Щербу занимает фонетический аспект выражения логических отношений, т. е. мелодика и логическое ударение (§ 209), а не коммуникативная перспектива развертывания синтаксической структуры, хотя он близко подходит к этой проблеме (§§ 202—206, 213—216).

Идею одночленности высказываний, но уже с иных позиций, развивает В. З. Панфилов, рассматривая примеры типа *Пошли пароходы; Грачи прилетели и Вечереет; Зима*. Он приходит к выводу, что все они не имеют актуального членения, т. к. в них в равной мере не выделяются данное и новое, субъект и предикат суждения, хотя первые двусоставны, а вторые односоставны. В. З. Панфилов полагает, что эти предложения как «...не имеющие актуального членения выражают какую-то иную форму мышления, которую можно было бы, например, назвать одночленом, а не суждением» [46, с. 160].

Проблема членности высказываний с привлечением идей актуального синтаксиса затронута Т. М. Николаевой в связи с анализом категориально-грамматической цельности высказывания и его прагматического аспекта [47]. Взяв предложения *Горит восток зарю новой и На холмах Грузии*

лежит ночная мгла и сопоставляя их с *Этот человек — мой большой приятель*, Т. М. Николаева отмечает, что в разбираемых двух примерах «...видимо, трудно выделить то, о чем говорится, и то, что говорится об этом, иначе говоря, тему и рему. Можно предположить, что языковое употребление специально выделяет высказывания, цель которых — указать на ситуацию в целом, представленную в коммуникации глобально, а не расчлененно» [47, с. 32]. Далее показаны средства выражения глобально-ситуационных высказываний, передающих ситуацию в целом, и бифокальных, в которых ситуация представлена расчлененно — типа диалога: «А где отец? — Отец спит. — Что-что? — Спит отец». Анализ разных примеров приводит автора к выводу, что «активное членение на тему и рему... различно для глобальных и бифокальных высказываний» [47, с. 35].

Думается, однако, что в приведенных рассуждениях не учтен такой фактор тема-рематического членения, как говорящий с его коммуникативным намерением¹¹, а кроме того, тема-рематическое членение получило субъектно-предикатную ориентацию. Примеры *Наступила весна; Идет дождь* нельзя считать нечленимыми в функционально-семантическом плане, хотя в них содержится описание глобальной ситуации, поскольку оба члена отягощены собственной семантикой и передают информацию об определенных событиях (ср. *Кончилась весна; прошел дождь* и т. п.). Это не просто констатация факта, но и сообщение о нем с точки зрения говорящего. Несколько сложнее случаи подобного рода, когда тема и рема, совпадающие с подлежащим и сказуемым, вроде бы тавтологичны по смыслу (ср. *петь песню*). Однако и в этих случаях коммуникативное намерение автора выступает достаточно явно. В конструкции *Мальчик пел* событие дано в самом общем плане, но с четким выделением темы и ремы, которые совпадают с подлежащим и сказуемым в языковом выражении. В конструкции же *Мальчик пел песню* мы находим уточнение и получаем сведения о том, что он пел песню, а не гимн, не молитву, не частушки и, наконец, не просто напевал мотив или мелодию (ср.: «Поем стихи» — название телевизионной передачи).

Иными словами, во всех предложениях, которые описывают как бы нерасчленимую ситуацию, есть членимость, устанавливаемая намерением говорящего обратить внимание либо на одну сторону, либо на другую, т. е. выделить какой-то один из компонентов ситуации и сделать коммуникативным центром его аналог в предложении.

Членимость тема-рематической организации высказывания рассматривается в статье О. Н. Селиверстовой, посвященной коммуникативной структуре предложения [48]. Автор ставит перед собой задачу показать гетерогенность явлений, включаемых в объект актуального членения, а «понятия темы и ремы предлагается рассматривать как производные от более дробных коммуникативных единиц» [48, с. 443—444]. Выполнение первой задачи связывается с раскрытием отношения характеристики и двух реализующих его членов — характеризуемого и характеризующего, которые определяют коммуникативную, т. е. функциональную, ориентированность предложения. Эти два члена рассматриваются как приблизительно соответствующие теме и реме. Однако различие, по мнению О. Н. Селиверстовой, заключается в том, что, во-первых, эти новые термины «применимы к коммуникативно слитным высказываниям» [48, с. 446], а, во-вторых, они не соотносимы с выражением более/менее важного и информативного, известного/нового и с понятием значимости. Автор пишет, что коммуникативная значимость может быть присуща всем элементам сообщения, и приводит пример: «Почему Вы сегодня такая грустная? — Мой самый лучший друг уехал из Москвы». По мнению О. Н. Селиверстовой, предложение-ответ ориентировано на группу подлежащего, однако «вряд ли можно сказать, что эта группа несет менее значимую информацию. Очевидно, важно не только то, какое действие осуществлено,

¹¹ Кстати, обратим внимание на то, что поэтический текст иногда подчиняется форме, т. е. ритму и рифме, и в нем могут иметь место конструкции с субъективным (по Матезиусу) порядком слов, не несущим эмфазы. Ряд примеров, приводимых Т. М. Николаевой, именно таков.

но и кто именно выступает в функции субъекта» [48, с. 446]. Не возражая против того, что обычно все элементы сообщения коммуникативно значимы, правда, в разной степени и на основе различных связей, заметим, что данный пример с точки зрения тема-рематического анализа отнюдь не прост. Оба предложения не связаны по темам, т. е. между ними имеет место тематический разрыв (в первом высказывании тема: *Вы*, а во втором — *мой... друг*). Иными словами, они входят в два разных тематических блока, хотя между ними имеется связь по ремам (состояние грусти — состояние отъезда). Второе высказывание произнесено так, что слушающий сначала получает информацию о наличии друга, которая становится исходной для сообщения о главном — о его отъезде (ср.: «Почему Вы грустны? — У меня есть друг» — диалог не является законченным, требуются сведения о друге, который уехал, погиб, обманул и т. п.). Конечно, в каждом случае учитывается и тип синтаксической модели, и лексическое наполнение ее, о чем писал еще Д. Н. Шмелев [49].

Вместе с тем следует согласиться с О. Н. Селиверстовой в том, что категория характеристики имеет очень большое значение для раскрытия тема-рематических отношений, тем более, что эта категория неразрывно связана с предикацией, представляя одну из сторон последней. Говоря о проблеме членимости/слитности высказываний, О. Н. Селиверстова по существу видоизменяет ее и переводит в проблему меньшей или большей степени членимости. Она показывает, что некоторые предложения как бы «озаглавливают» некую ситуацию и вследствие этого их членимость минимальна или их можно рассматривать как коммуникативно нечленимые. Вполне справедливо и то, что «признак „членимость/слитность“ может быть выделен в качестве отдельного параметра, характеризующего семантическую организацию синтаксической модели» [48, с. 455]. Однако семантическая нечленимость, т. е. представление цельности ситуации, может быть выражена расчлененной конструкцией. В примере, приведенном О. Н. Селиверстовой: «Дети на пляже. Как прелестны они в своих ярких купальных костюмчиках...» [48, с. 453], первое предложение тоже коммуникативно членимо на тему и рему, т. к. *на пляже* выступает в предикативной функции — признак приписывается субъекту. Второе предложение связано сильной тематической связью с первым (благодаря местоимению) и без него коммуникативно неполноценно. Сопоставление с примером: «Где дети? — Дети на пляже» демонстрирует не различие, а сходство в коммуникативном, т. е. в актуальном членении, интонационные же различия выявляют дополнительные характеристики, точнее — категорию выделения.

Кроме того, сама по себе конструкция *Дети на пляже* (как и конструкция *Мальчик пел*) представляет собой не что иное, как общее утверждение, которое, как удачно подметил С. Н. Кузнецов, при соответствующем интонационном и акцентном оформлении может быть преобразовано в частное утверждение с выделением той или другой из составных частей [50, с. 120]. С такого общего утверждения и начинается первый из приведенных О. Н. Селиверстовой примеров.

Конечно, в текстах могут быть и коммуникативно нечленимые высказывания, но таковыми являются только однословные предложения типа названных или реплики в составе диалога, у которых тема выделяется только в ситуации или в контексте. Номинативные предложения лишь в заголовках выступают как нечленимые, а также в функции антемы¹². Например: *Дачи в сосновых лесах под Москвой. Мелкое озеро, купальни возле топких берегов* (пример Д. Н. Шмелева) (см. [49, с. 47]). Первое предложение называется номинативным, но оно с нашей точки зрения в той же мере предикативно, как и предложение *Дачи располагались (были, находились...)* в *сосновых лесах под Москвой*. В этом предложении предикативность, т. е. приписывание признака предмету, выражена через тема-рематические, а не через подлежащно-сказуемые структуры. Второе

¹² Термин *антема* (предтема) введен нами для обозначения начальных не-предикативных конструкций, уточняющих смысл последующего состава синтаксической структуры: *Э т а ж н и г а, Джон уже сдал ее в библиотеку* [5, с. 111—112].

предложение содержит антитему (*Мелкое озеро*) и основное предложение с темой (*купальни*) и ремой (*возле тонких берегов*). Иными словами, двухчастность является их чертой не в меньшей степени, чем в содержащих глагольное ядро. Заметим, что ниже сам Д. Н. Шмелев допускает скрытую предикативность при наличии определений: «Молодой врач = врач был молодым» [49, с. 71]. Но, безусловно, он прав в том, что «предикативный характер конструкции во многих случаях зависит от лексического значения сочетающихся слов» [49, с. 49]. В заключении к своей книге Д. Н. Шмелев признает наличие предикативно значимых единств иного типа, чем подлежащно-сказуемые единства.

Подчеркнем, что предикативно значимыми единствами являются прежде всего тема-рематические конструкции, появившиеся в письменной речи из разговорного языка, где они являются реликтами синтаксиса глубокой древности, сохраняя свою автономию, т. е. отсутствие обязательной опоры на морфологию слова [51]. За тема-рематическими отношениями с наибольшей ясностью просматривается изначальное противопоставление диалектических категорий тождества и различия как основы речевой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Типы языковых общностей и методы их изучения. III Всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания: Тезисы. М., 1984.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.
3. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.
4. Слюсарева Н. А. Методологический аспект понятия функций языка. — ИАН СЛЯ, 1979, № 2.
5. Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981.
6. Слюсарева Н. А. О проблемах функциональной морфологии (на материале языка аналитического типа — английского). — ИАН СЛЯ, 1983, № 1.
7. Слюсарева Н. А. Синтаксис и морфология в свете функционального подхода. — ФН, 1984, № 5.
8. Панфилов В. З. Грамматика и логика. М. — Л., 1963.
9. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
10. Вардуль И. Ф. К обоснованию актуального синтаксиса. — В кн.: Язык и мышление. М., 1967.
11. Козлова М. С. Философия и язык (критический анализ некоторых тенденций эволюции позитивизма XX в.). М., 1972.
12. Tesnière L. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959.
13. Филлмор Ч. Дело о падеже. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981.
14. Реферовская Е. А. Лингвистическое исследование структуры текста. Л., 1983.
15. Dik S. C. *Functional grammar*. Amsterdam, 1978.
16. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семпотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
17. Теплицкая Н. И. Диалог с позиций теории актуального членения. ФН, 1984, № 4.
18. Черняховская Л. А. Перевод и смысловая структура. М., 1976.
19. Шевякова В. Е. Современный английский язык. Порядок слов, актуальное членение, интонация. М., 1980.
20. Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. М., 1981.
21. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1983.
22. Сорокин Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985.
23. Дешерьева Т. И. Субъектно-объектные отношения в разноструктурных языках. М., 1985.
24. Шапнарович А. М. Семантика детской речи, психолингвистический анализ: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1985.
25. Современный русский язык. М., 1981.
26. Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка (на англ. яз.). М., 1983.
27. Стросон П. Ф. Идентифицирующая референция и истинностное значение. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М., 1982.
28. Daneš F. One instance of Prague School methodology: functional analysis of utterance and text. — In: *Method and theory in linguistics*. The Hague — Paris, 1970.
29. Ли Ч. И., Томпсон С. А. Подлежащее и тоник: Новая типология языков. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.
30. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, тоник и точка зрения. В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.

31. Halliday M. A. An introduction to functional grammar. London, 1985.
32. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения. Семиологическая грамматика. М., 1981.
33. Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. М., 1974.
34. Урсул А. Д. Проблема информации в современной науке. Философские очерки. М., 1975.
35. Урсул А. Д. Природа информации. Философский очерк. М., 1968.
36. Ленин В. И. Философские тетради.— Полн. собр. соч., т. 29, с. 119.
37. Ким В. В. Тождество и различие как категории материалистической диалектики. Свердловск, 1969.
38. Таванец П. В. Вопросы теории суждения. М., 1955.
39. Lehmann W. From topic to subject in Indo-European.— In: Subject and topic. New York, 1976.
40. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
41. Крылова О. А. Понятие многоярусности актуального членения и некоторые синтаксические категории (сочинение, подчинение, обособление, присоединение).— ФН, 1970, № 5.
42. Перепеченко Г. П. Проблема актуального членения многозвенных сложноподчиненных предложений.— В кн.: Вопросы романо-германской филологии. М., 1972.
43. Кормановская Т. И. Сложноподчиненное предложение как единица коммуникативного синтаксиса (на материале современного английского языка): Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук, М., 1983.
44. Гедминайте И. Ю. Особенности включенных предложений в современном английском языке: Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1984.
45. Щерба Л. В. Фонетика французского языка. М., 1953.
46. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.
47. Николаева Т. М. Категориально-грамматическая цельность высказывания и его прагматический аспект.— ИАН СЛЯ, 1981, № 1.
48. Селиверстова О. Н. К вопросу о коммуникативной структуре предложения.— ИАН СЛЯ, 1984, № 5.
49. Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.
50. Кузнецов С. Н. Теоретическая грамматика датского языка. Синтаксис. М., 1984.
51. Николаева Т. М. Коммуникативно-дискурсивный подход к интерпретации языковой эволюции.— ВЯ, 1984, № 3.